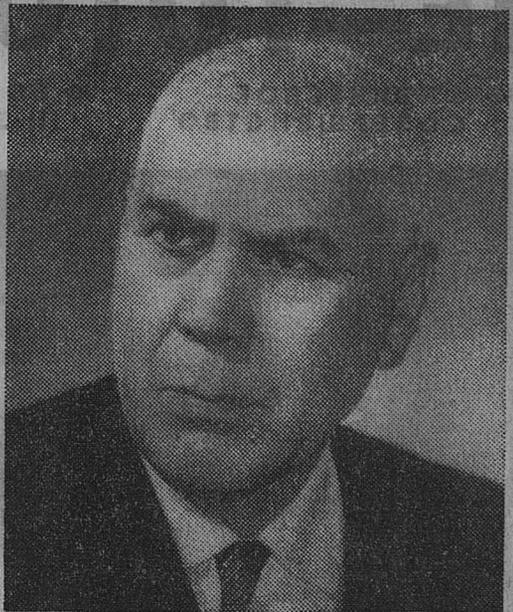

мастера ленинградского экрана

НА ВТОРОМ ДЫХАНИИ

КОГДА Александр Гаврилович Иванов поставил фильм «Транспорт огня», к нему пришла слава. Та самая быстротечная кинематографическая слава, которая в день премьеры фильма может вознести кинорежиссера на любые высоты известности.

Это было в 1929 году. Фильм широко пошел по стране, был закуплен иностранными прокатными фирмами, и вскоре режиссер получил бандероль с ярким, цветным проспектом известной немецкой автомобильной фирмы. Фирма сообщила, что, кроме обычных автомобилей, она выпускает особые машины по индивидуальному заказу мировых звезд кинематографа.

«Звезда» жила скромно в коммунальной квартире на бывшей Сенной площади и ни о каких индивидуальных заказах как, впрочем, и о стандартной продукции немецкой фирмы, не помышляла.

Этот анекдотический случай не стоило бы вспоминать, если бы он не стал толчком к серьезному размышлению режиссера о своем месте в могущественном искусстве кино.

Он и раньше сознавал его силу. И тогда, когда мальчишкой был страстно влюблен в каждый новый увиденный фильм, и когда не по возрасту многоопытным человеком выбирал свой жизненный путь. Перед ним, бывшим солдатом первой мировой войны, коммунистом, комиссаром полка в годы войны гражданской, открывались разнообразные возможности. Страна остро нуждалась в кадрах. И можно понять удивление и недоумение отца, высококвалифицированного слесаря-железнодорожника, и возмущение секретаря райкома партии, когда они узнали, что Александр Гаврилович «пойдет снимать фильмы».

Мало кто тогда понимал, что кино не просто развлечение, что у «Великого немого» скоро прорежется голос, который зазвучит на всю планету. И еще меньше было понятно, при чем тут человек в солдатской шинели, упрямо пробивающийся в павильон киностудии — «делать кино». Таким же недоумением встретили его и на кинофабрике.

А Иванов делал вид, что не замечает недоуменных пожатий плечами, вопросительных взглядов, а иной раз и издевательств, и шел на штурм «твердых» кинематографа. «Твердые» пали на удивление быстро. «Транспорт огня» вывел его в мастера, на предгорья кинематографического Олимпа и одновременно поверг в недоверчивое изумление. Он сам пришел к выводу, что попал на эту высоту «не по чину», «явочным порядком». И с той же решимостью, с которой «ворвался» в кинематограф, ушел из него.

Ушел учиться. Стал студентом комакадемии, а затем — аспирантом Академии искусствознания. Писал кандидатскую диссертацию. Опыт солдата подсказывал: надо

знать и уметь. Плохо только знать или только уметь. А постижение философских и эстетических теорий все приоткрывало и открывало перед ним «бездну незнания». Штурмуя книжный космос, он был убежден, что приближается к искусству, к постижению его тайны, его многочисленных загадок. А в редкие свободные минуты в больших журналах — их раньше называли «контрорскими книгами» — писал оvoid «вспоминания».

Нетрудно понять удивление Адриана Ивановича Пиотровского, когда он узнал о мемуарах человека, недавно перешагнувшего рубеж тридцатилетия. Они действительно удивительны, эти рукописи. Нет, конечно, это совсем не мемуары в обычном смысле слова. Хотя бы потому, что нигде в них не действует сам автор, нигде нет такого важного для мемуаров «я». У всех персонажей этих рукописей были вымышленные имена. А. Г. Иванов, сам того не зная, писал режиссерские сценарии своих будущих картин. Именно режиссерские, так как в записях главенствовали описания боев, сражений, окопного солдатского быта, раскаленных дыханием боя диалогов-дуэлей, крики о помощи — все то, что впоследствии станет плотью и кровью «киноискусства режиссера Иванова», что сделает для нас неповторимыми героев фильмов «Звезда» и «Солдаты».

История второго художественного рождения кинорежиссера Иванова и проста, и сложна. Проста потому, что вряд ли найдется серьезный художник, не переживший момента творческого кризиса. И не так уж редко умение, высшее мастерство опережает созревание творческой личности.

История эта сложна способом выхода из кризисной ситуации, предельной честностью перед любимым делом и медлительностью созревания мысли о богатстве собственного личного опыта.

Осознание факта своей причастности истории, ее ходу, движению, победам, приходило постепенно. Надо было еще понять, что в его жизни не было «личного времени», все время принадлежало социальным сдвигам, переменам, становлению нового мира. И так же постепенно на экране стали возникать отголоски его собственной судьбы в людях войны, в ее героях. Оказалось, что иной раз не яркая вспышка боя за высоту или очередную линию окопов противника, а секунды последней тишины перед атакой рассказывают о людях больше и открывают их души значительнее. Что на войне не только атакуют и сражаются, а живут. И, главное, что война — это тяжелый труд, работа настолько сложная, тяжелая и противостоительная,

что из нее самой вытекает неизбежный вывод о том, как человеку нужен мир.

А. Г. Иванов всегда был верен поступи истории, он не сбивался с ноги и не сдвигал психологический грань человеческой жизни во времени. Его Давыдов и Нагульнов в «Поднятой целине» живут ритмами своей эпохи. Для Нагульнова бой — праздник. Он живет музыкой отгремевших и мечтает о новых сражениях. «Мировая революция» — для него грянет завтра. А для Давыдова бой — пахота. Бои, навсегда мобилизованные и призванные верой в замечательную идею человеческой справедливости. Счастливые своей причастностью к этому делу, верящие, что каждое их усилие приближает светлое будущее.

В фильмах Иванова много трагических ситуаций, много смертей, невозвратимых утрат и потрясений, но они населены счастливыми людьми, верящими в победу, живущими полнокровно и с упоением. Именно поэтому атмосфера его фильмов поэтична. Эту поэзию не могут заглушить никакие подробности солдатского неприятельного фронтового быта, ни грязь разбитых отступлением осенних дорог 1941 года, ни черная, шпигованная железом и сталью земля Мамаева кургана.

Но все высокие и красивые слова возникают по поводу его фильмов. В картинах Иванова их нет. Их некому произносить. Его герои просты и удивительны. Они живут и действуют, не чувствуя на себе пристального взгляда кинообъектива. И художник, создатель фильма, режиссер как будто бы там, вместе с ними за нишей кинематографического кадра. Да так оно по существу и есть.

Эта личная причастность ко всему, что происходит на экране, объясняется совсем не «художественным приемом», а тем, что это его, режиссера, второй раз прожитая жизнь. Нет, он не «отображает», он живет там, среди своих героев, человек своего времени, завоевавший свою жизнь и жизнь своим героям на экране.

Сегодня ему исполняется семьдесят пять лет. А он работает напряженно и неустанно. И не может по-другому. Ведь за его спиной жизнь и опыт, в памяти теснятся дела и дни этой жизни, а в записях «контрорских книг» еще огромный реестр солдат этой эпохи, которые еще должны выйти на экран и рассказать о времени и о себе.

В. ИВАНОВА